

Утро было хрустящим, неподвижным и залитым нежным золотистым светом - как и положено любому уважающему себя августовскому утру. Август был месяцем, который можно было назвать только сладким: солнце с любовью целовало землю, украшая своим сиянием все, на что оно бросало взгляд даже в самые пасмурные дни, - это была настоящая противоположность всему горькому и темному в мире. Именно эта сладость отличала его от других месяцев.

Но август был не только сладким - он был еще и полезным. Семь часов часто бывали недобрым часом, все еще плотно охваченным ночной прохладой. С октября по март семь часов вообще трудно было назвать утром - это был холодный час, окутанный серой пеленой. Апрель и сентябрь были не намного лучше. Однако август все изменил. Августовское утро было не менее приятным, и именно это делало прятки во дворе более чем приемлемым утренним занятием. В самом деле, размышлял он, сидеть под старым дубом в семь часов, когда августовское солнце греет лицо, не так уж плохо - вполне приличный способ начать день.

Было тихо. Ему это нравилось. Именно в такие моменты он мог по-настоящему почувствовать себя. Именно в такие моменты его разум мог творить свою магию, собирая данные и обрабатывая раздражители с изысканным вниманием к деталям. Да, семь часов - идеальное время, чтобы замечать вещи. Например, Деревня Скрытой Травы. Влажные перьевые усики щекотали ноги, а легкий ветерок, пронесившийся над двором, трепал его аккуратные вороньи локоны, и это было бы просто восхитительно. Но это было не так. В нем не было ничего очаровательного; даже спокойствие августовского утра не позволяло забыть об этом. Любой, кто видел его глаза, несомненно, согласился бы с этим: они были холодными и темными, но при этом неяркими, милыми, похожими на августовские черты лица. Да, все считали его совершенным ангелом, пока не посмотрели ему в глаза. Тогда они поняли. Он не был августовским ребенком - он родился в декабре.

«Том!»

Это был отвратительный визгливый звук, заставивший его сердито зашипеть и заскрипеть зубами. Миссис Коул, несомненно, слышала эту историю - Стаббс, конечно же, снова пришел к ней, хныча и стоная, как неумелый ребенок, которым он и был. Честно говоря, Тома нельзя было винить за его действия; Билли Стаббс, со всеми его ехидными замечаниями, развязными жестами и раздраженным голосом, заслужил это, и даже больше. В этом мальчике было что-то просто ужасное. С ним были согласны и пауки - те самые пауки, которые не далее как десять минут назад послушно забрались к нему в штаны, несомненно, оставив после себя неприятные укусы. Конечно, у мальчика Стаббса не было никаких доказательств его причастности, но они ему и не требовались. Все знали о странностях Тома, а именно о его сверхъестественной способности дрессировать животных, не пошевелив и пальцем.

По его лицу пробежала презрительная усмешка. На этот раз Стаббс легко отделался. Глупый мальчишка получит по заслугам. Когда придет время. Миссис Коул всегда говорила, чтобы он не играл с едой, так что, естественно, именно это он и собирался сделать.

«Вот ты где!»

Он резко поднял голову и нахмурился.

«Не надо мне ничего такого, непослушный мальчишка! Я слышал, что ты сделал... Я слышал...»

Он заглушил гневную ругань женщины, в его голове роились темные мысли. Он покажет им. Он покажет им всем. С Томом Риддлом нельзя было связываться. Вот только...

Он запнулся.

Это было неправильно. Том Риддл? Это неправильно. Почему он был так зол? Бедный Билли Стаббс, мальчик не заслужил всех этих паучьих укусов, во всяком случае, не заслужил. От шока у него помутилось в голове - он не хотел этого. Он ничего такого не хотел! Он не хотел никому причинять боль. Он не хотел никому досаждать. Но как только он повернулся, чтобы объявить о своем откровении, его встретила лишь тьма. Холодная, пустая чернота, которая, к счастью, длилась всего секунду.

«МАЛЬЧИК!»

Три резких стука заставили его вскочить с постели, судорожно пытаясь пригладить свою не слишком заметную голову, затем надеть разбитые очки и щелкнуть защелкой на дверце шкафа.

Его встретил не праведный гнев миссис Коул, а не менее устрашающий оскал Петунии Дурсль.

«Уже семь тридцать! Завтрак уже должен быть на столе, ты, ленивое дитя!»

«Да, тетя Петунья», - безропотно ответил он, заработав легкий шлепок по голове.

«Я не потерплю твоего нахальства, мальчик».

Он сдержал язвительную отповедь - ведь он был не таким. Он не был злым, не был мстительным; он был слабым, легкой мишенью - вот кем был Гарри Поттер.

Иногда по утрам было трудно вспомнить, кем он был. Бывало, что, погрузившись в сонную дымку, ему приходилось напоминать себе, что он не Том Риддл. И он не хотел им быть. Том Риддл не был хорошим человеком. Гарри знал это, и он действительно не знал, почему ему продолжает сниться этот злосчастный мальчик. Было немного странно, немного жутковато, что каждую ночь его сознание переносилось в жизнь этого другого мальчика, в чем-то похожего на него, но в чем-то ужасно непохожего.

Тем не менее он не возражал против снов, размышлял он, разбивая несколько яиц на сковородку. На самом деле это было преуменьшением. На самом деле он не променял бы их ни на что. Когда он был Томом, он никогда не боялся, не был неуверен в себе. Когда над ним издевались, он давал отпор. Когда его обижали, он обижался в свою очередь. Когда его

называли уродом, он носил это как почетный знак. Это было освобождающе - быть без чувства вины, без ощущения никчемности и безнадежности, которое, казалось, преследовало его всегда и везде. Нет, Гарри Поттер не был Томом Риддлом, но иногда ему хотелось, чтобы он им был. Иногда ему было трудно убедить себя в том, что он никогда не хотел становиться таким жестоким человеком.

<http://tl.rulate.ru/book/126714/5321553>